Вечность — дитя играющее,
переставляющее камешки:
царство ребёнка.

Гераклит Эфесский, фрагмент 52

ПЕСОЧНИЦА

АЛЕКСАНДР ТРОФИМОВ

Александр Трофимов

Песочница

https://litres.ru/74740722
SelfPub; 2026

Аннотация

Обычный двор в Самаре, конец девяностых. Шестилетний Тёма лепит куличик и обнаруживает, что в их песочнице завелись крошечные жители. Они строят дома и замки, воюют, молятся, и даже поклоняются божествам, не подозревая, что их мир чья-то игра, и через час всю их вселенную смоет дождь.

«Маленький принц» для тех, кто вырос в девяностые.

Содержание

ПЕСОЧНИЦА 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Александр Трофимов
Песочница

ПЕСОЧНИЦА

Рассказ-притча

Вечность - дитя играющее, переставляющее камешки: царство ребёнка.

Гераклит Эфесский, фрагмент 52

I

. Карьер

Песок привезли в пятницу. Оранжевый «КамАЗ» с мятым левым крылом сдал задом через весь двор, сломав у тополя нижнюю ветку и остановился задрал кузов. Гора поползла вниз с сухим шипением, как пена из бутылки «Жигулёвского», а после уехав, оставила на асфальте две чёрные дуги и едкий запах выхлопных газов.

К понедельнику гора осела. Сверху песок подсох и посветлел, почти до цвета сахара, а внутри он оставался влажным и холодным.

Тёма вышел во двор. В правой руке у него было красное ведёрко с трещиной от края до самого дна, в левой руке он держал совок, ручку которого он обгрыз ещё в три года и

с тех пор считал это следом чужой, давно прошедшей жизни. Мать смотрела на него с третьего этажа, придерживая на груди халат. Из открытой форточки над ней радио «Маяк» пропикало девять раз, и бодрый голос объявил, что сегодня понедельник, семнадцатое августа, в Самаре плюс девятнадцать, днём до тридцати.

Дворник дядя Шамиль мёл дорожку берёзовой метлой. Метла говорила «шарх» на каждый второй шаг, и голуби отходили от неё ровно на длину черенка, не взлетая.

Гоша уже сидел на бортике.

Тёма ни разу не видел, как Гоша приходит. Гоша как будто всегда был уже. Бортик песочницы красили каждую весну, и краска облезала слоями: сверху зелёная, под ней голубая, под голубой жёлтая, а в самом низу, у гвоздя, проступало что-то бурое. Гоша сидел на этом месте, на бурой проплешине, в выцветшей панамке, которая когда-то была красной, а стала цвета разбавленного вишневого компота. Под подбородком панамку держала бельевая резинка.

Он пересыпал песок из ладони в ладонь. Тонкая струйка шла из левой в правую, потом из правой в левую, и ни одна песчинка не падала мимо.

- Ты чего не строишь? - спросил Тёма.
- Считаю.
- Чего?
- Сколько тут.

Тёма посмотрел на гору. Гора была выше него.

- Много.

- Много - это когда не досчитал, - сказал Гоша и опять пересыпал.

Тёма сел на корточки и зачерпнул совком. Сверху песок оказался тёплым, а на глубине совка ледяным и влажным, и от этого холода у Тёмы свело пальцы на ногах в сандалиях.

- Интересно, а он откуда?

- Со дна. Его земснаряд со дна Волги поднял. Трубой сосёт, как коктейль через соломинку.

- А в Волгу он откуда попал?

- Там раньше море было. Давно. Тут, где мы сидим, ходили волны, и рыбы плавали над нашим подъездом. - Гоша наклонил голову, словно прислушиваясь к чему-то внизу. - Море ушло, а песок остался.

- А до моря?

- Горы.

- А до гор?

Гоша не ответил. Он взял одну песчинку на кончик мокрого пальца и поднёс к самому лицу Тёмы. Песчинка была прозрачная, с мутным боком, похожая на крошку от бутылочного стекла.

- Кварц, - сказал Гоша. - Самый упрямый. Горы стёрлись, море ушло, а он всё тут. Он вообще всё видел. Только рассказать не может, у него рта нет.

Тёма посмотрел на песчинку. Песчинка не делала ничего.

В этот момент хлопнула дверь второго подъезда, и тугая

пружина пропела своё «дзиннь». Из подъезда вышла Аля.

Але было пять. На ней было платье в клубничку, перешитое из чьего-то большого платья, и сандалии, надетые не на ту ногу, отчего носки смотрели в разные стороны. В руках Аля держала баночку из-под детского пюре «Хайнц», а в баночке лежало что-то, чего не было видно, потому что Аля прижимала её к животу.

Она прошла мимо мальчиков, не поздоровавшись, и пела себе под нос без слов, на одной ноте, которая то поднималась, то опускалась, как пчела над цветком. Под грибком в дальнем углу песочницы, железным, с облезлым красным куполом в белый горошек, Аля села, повернулась ко всем спиной и стала рыть пальцем ямку.

- Чего она там? - шёпотом спросил Тёма.

- Секретики, - так же шёпотом ответил Гоша.

Тёма знал про секретики. Девчонки клали в ямку фантик, цветок или пуговицу, накрывали стёклышком и засыпали землёй, а потом показывали только лучшей подруге: проводили пальцем по земле, и в тёмной глубине появлялось маленькое окно в другой, сияющий мир. Мальчикам секретики не показывали. Мальчики их находили и разоряли.

- Покажи, - сказал Тёма в сторону грибка.

Аля не обернулась.

- Аля не покажет, - сообщила она грибку. - Секретик, когда его покажешь, он кончается.

Тёма пожал плечами и занялся делом. Он набил ведёрко

сухим верхним песком, перевернул, хлопнул совком по донышку три раза, как хлопают все дети мира, хотя никто их этому не учит, и поднял ведёрко.

Куличик осыпался. От него осталась кучка с покатыми боками.

- Сухой не держит, - сказал Гоша, не глядя. - Ему вода нужна. Капли между песчинками держит их, как за руки. Мало воды - рассыплется. Много - потечёт. Надо, чтоб чуть-чуть. В меру.

У водосточной трубы с ночи стояла лужа. По её поверхности плавала бензиновая плёнка, и в плёнке медленно переливались зелёный, лиловый и золотой, будто кто-то пролил туда кусок радуги, и она не могла выбраться. Тёма зачерпнул ведёрком, и радуга разорвалась на лоскуты. Он вернулся, полил песок, размешал совком, пока тот не сделался тёмным и тяжёлым, набил ведёрко и после утрамбовал ладонью. Песок под ладонью был холодный и плотный. Тёма перевернул ведёрко. Хлопнул три раза. Поднял.

Куличик стоял.

Он был идеальный. Ровные бока, гладкая плоская макушка, и по одному боку шёл тонкий, едва заметный шов, след от трещины в ведёрке, похожий на шрам.

Тёма сел на пятки и стал смотреть. Ему нравилось смотреть на только что сделанный куличик и в первые секунды тот был мокрый и тёмный, а потом начинал светлеть сверху, и казалось, что куличик дышит.

У подножия куличика скатилась песчинка. Потом ещё одна. Только скатились они вверх.

Тёма перестал дышать. Из-под шва, из крошечной поры, высунулось что-то размером с запятую в букваре, огляделось и вылезло целиком. За ним вылезли трое. Потом сразу шесть. Они были того же цвета, что песок, и, если бы не двигались, их нельзя было бы различить. Одно из существ подняло две тонкие ручки вверх и замерло, глядя на Тёму. Вернее, глядя туда, где для него находился Тёма.

У Тёмы потекло из носа. Он вытер нос запястьем и посмотрел на Гошу.

Гоша продолжал пересыпать песок.

- Ну вот, - сказал он. - Завелись.

- Кто?

- Жители.

Из-под грибка, по-прежнему не оборачиваясь, Аля сказала:

- Аля их видит. Они пока голые.

Тёма наклонился ниже, почти касаясь куличика носом. Пахло мокрым песком, и ржавчиной, как от трубы старого родника в деревне. Жители копошились у основания, двое уже тащили куда-то песчинку, а, тот, что поднимал руки, так и стоял.

- А чего он так стоит?

- Молится, - сказал Гоша.

- Кому?

Гоша первый раз за утро взглянул на Тёму. Глаза у него были светлые, почти без цвета.

- А ты как думаешь?

Дверь первого подъезда отлетела, пружина взвизгнула, и во двор, размахивая полиэтиленовым пакетом с надписью «Marlboro», выбежал Владик.

На пятом этаже первого подъезда с треском распахнулась рама, и громкий приятный женский голос прокатился по всему двору:

- Влади-ик! Панамку надень, кому говорю!

II

. Формочки

Владику было семь, и он уже знал, сколько стоит всё на свете.

Отец его занимался коммерцией. Чем именно, во дворе не знал никто, но у него была вишнёвая «девятка» с тонировкой и пейджер на ремне, который постоянно пищал. Владик разговаривал отцовскими словами, как носят отцовский пиджак: рукава свисали, но силуэт читался. На запястье у него болтались часы «Montana» с семнадцатью мелодиями, а на шее, на шнурке, висел тамагочи, серое пластмассовое яичко, в котором жило существо из девяти чёрных квадратиков. Существо требовало еды каждые сорок минут, и Владик кормил его и выражение его лица, в эти моменты, было похоже, на гримасу того, кому пришел срок платить по кредиту.

Из пакета с надписью «Marlboro» он достал газету «Аргу-

менты и факты», расстелил её на бортике и стал выкладывать на неё формочки. Они были из мягкого пластика, яркого, как леденцы. На картонной подложке, которую Владик сберёг, было написано латиницей «KOSMOS-LUX» и мелко - «Made in Poland». Ракета, Звезда, Полумесяц, Рыбка, Черепаха и Машинка, похожая сразу на все машины мира.

- Импортные, - высокомерно продекламировал Владик, хотя никто его не спрашивал. - Папа из Тольятти привёз. У нас таких не делают. Короче, правила такие. Одна формочка - один вкладыш. На десять минут. Потом сдаёшь. Ракета - два вкладыша, она сложная.

Вкладыши были деньгами двора. Маленькие картинки из жвачки «Turbo», на которых были нарисованы машины, никогда не ездившие по Самаре, и информация в цифрах: максимальная скорость, лошадиные силы, объём. Пахли вкладыши сладко, чуть химически, как и сама жвачка, сохраняя аромат даже спустя месяцы. Вкладыш с «Ламборгини», например, стоил пять вкладышей с «Вольво». Почему, никто объяснить не мог, но все с этим соглашались, и согласие держалось так прочно, как не держался в то лето ни один договор у взрослых.

Ровно в восемь из третьего подъезда вышли бабушки.

Их было три, и сидели они всегда в одном порядке. Слева, Клавдия Петровна, полная, в фиолетовом мохеровом берете, несмотря на жару. Она держала на коленях сумку с клубком и тянула из неё нитку, бесконечно, равномерно, и клубок

в сумке ворочался, как спящий котёнок. Посередине, Лариса Ивановна, сухенькая и шустрая, бывшая бухгалтер завода «Маяк». Своё вязание она то и дело мерила пядями, растопыривая большой и средний палец, и так же, пядями, мерила всё остальное: цены, соседей, чужие годы. Справа, Антонина Сергеевна. Она почти всегда молчала. На шее у неё на бельевой тесьме висели маленькие ножницы, но нитку она всегда перекусывала зубами, и звук этот, сухой короткий щелчок, был слышен даже с другого конца двора.

- Зинка из сберкассы рассказывала, - начала Лариса Ивановна, ещё не сев, - доллар до девяти дойдёт. До девяти! А в пятницу шесть с чем-то был. Это сколько же в гречке выходит.

- Ой, да ну тебя, - сказала Клавдия Петровна, вытягивая нитку. - У меня давление с утра сто сорок на девяносто, а ты мне про доллары. Вчера видели в последней серии как Си-Джей опять Сиси сказал..

- Ну, - сказала Антонина Сергеевна и перекусила нитку.

Тёма достал из кармана шорт своё единственное состояние, три вкладыша, из них один с «Ламборгини Каунтач», тёплые и слегка влажные от тела. Он отдал один простой и выбрал звезду.

Владик нажал кнопку на «Монтане», и часы тоненько сыграли первые такты «К Элизе».

- Время пошло, - сказал он.

Звезда получилась с первого раза. Пять острых лучей,

чёткие грани, на каждой грани мелкие отпечатки пластиковой фактуры. Тёма поставил её рядом с первым куличиком и отставил локти. Куличик из ведёрка сразу сделался каким-то деревенским.

Гоша посмотрел на звезду как дети смотрят на незнакомого взрослого, который пришёл к маме или папе.

- У песка звёзд нет, - сказал он. - И рыбок нет. Они все у Владика в пакете лежат. А песок про них только вспоминает. Когда его прижмёшь.

- Чего?

- Все звёзды одинаковые получаются. Видишь? С царапиной вот тут, на луче. У этой есть и у всех будет. Потому что она... Она в формочке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.